

Сказочные сны КОЛБАСКИНА

В начале лета вся семья Колбаскиных приехала отдохнуть на дачу.

– Всё, вот мы и готовы к завтрашнему путешествию. Надо успеть дойти к Жемчужинке до рассвета, – сказал отец Колбаскина Антон Егорович и посмотрел на уложенную разными вещами и увязанную верёвками двухколёсную тачку.

– Ура-а-а! – закричала Егоркина мама Анна Николаевна. – Завтра мы будем есть настоящую уху-у-у!..

– У-ху-ху-у! – заголосила вслед за ней толстощёкая младшая Егоркина сестра Зося, которой шёл уже шестой год.

Анна Николаевна запрыгала вокруг тачки, а вслед за ней запрыгали и Антон Егорович, и Зося. Примятая дачная трава так и застонала под их ногами.

Один Егор Колбаскин не прыгал. Он мучился тем, что о компьютере на даче папа даже разговаривать запретил.

– Голова должна отдыхать от всякой ерунды! Правильно я говорю, Егорка? – говорил он. Но Егор только хмурился и молчал. Не было в его душе радости. Он не любил рано ложиться спать, чтоб затем ни свет ни заря вставать и тащиться на какую-то там Жемчужинку всего лишь для того, чтоб натаскать из неё каких-нибудь мальков и поесть там какой-то рыбной похлёбки, приготовленной из них.

Тут Колбаскины закончили прыгать, трава перестала стонать, и Анна Николаевна сказала: – Ну что, Антоний, – она всегда так называла мужа, когда была им очень довольна, – всем спать?..

– Да-да-да!.. – ответил Антон Егорович. – И никаких возражений!..

Утро ещё и не думало заниматься, а Колбаскины всей семьёй уже приближались к своему любимому месту на Жемчужинке.

Антон Егорович быстро установил палатку, и они, подхватив удочки, помчались к речке. Зося не отставала от родителей, а Егорка грустно посмотрел на свою удочку и полез в палатку.

– Немножечко посплю и тоже пойду ловить рыбу. А-аву-у-у... Б-р-р-р!.. – зевнул он, вздохнув, завалился набок и тут же заснул.

Над Жемчужинкой воцарилась тишина. Редко-редко где-то слышался всплеск воды, пролетала над речкой вспугнутая камышовка да пробежал чуть заметный ветерок. Поднималось румяное солнышко, раскрашивая Жемчужинку своими лучами, отчего речка действительно переливалась разными цветами радуги, как настоящая жемчужина, кое-где продолжая дышать матовым туманом.

Егорка сладко спал в палатке.

Спал он и во сне чётко видел, как они с папой, мамой и Зосей переходят

пустыню Каракумы. Под ногами у них бегают скорпионы и ящерицы, ползают ядовитые змеи, а они идут босиком и ничего не боятся.

Потом вдруг снится ему огромный парусник, и они всей семьёй плывут на нём по морю-окияну. Проплывает парусник мимо островов, огибает побережья, налетают на него лихие океанские ветры, но с ними на корабле плывёт храбрый мореплаватель – великий русский путешественник Афанасий Никитин. Качает их океанская волна, а он наклоняется к Егорке и говорит:

– Едем мы в далёкую чудную страну под названием Индия. А скажи-ка, Егорушка, что бы ты хотел привезти оттуда отличнице и первой ученице из вашего класса Гале Кочкиной?

Егорка долго не раздумывает.

– Аленький цветочек! – говорит.

– Будь по-твоему, – смеётся Афанасий Никитин и идёт дальше вдоль поднятых парусов, туго наполненных ветром, со своими моряками разговаривает.

И тут корабль за скалу поворачивает, а там огромный воздушный шар, привязанный прочными тросами к специальным укреплениям, на ветру колышется, а из корзины Егору Колбаскину бородастый мужчина рукой машет, кричит:

– Воздушное такси путешественника Конюхова! Воздушное такси путешественника Конюхова! Колбаскины, скорее ко мне на борт, я вас на Жемчужинку отправлю! Скорее ко мне на борт!..

Не успел Егорка глазом моргнуть, смотрит, а они вместе с великим русским путешественником Конюховым Фёдором Филипповичем в облаках реют. Мимо них караваны диких гусей пролетают, горные орлы, распластав крылья, парят, какая-то наглая ворона уселась на корзину:

– Кар-кар!..

– Ну вот, накаркала, – говорит Егорке его сестра Зося.

Смотрит Егорка сон дальше – и правда, накаркала. Куда все подевались? Ни Конюхова, ни папы с мамой, ни Зоси. И

видит себя Егор в долине, окружённой горами, а совсем рядом с ним лошадь навьюченная стоит. Рядом с лошадью какой-то мужчина в старинной военной форме с эполетами, наклонился и что-то в тетрадь записывает. А под скалой небольшой табун малорослых лошадок бегают, а одна стоит как вкопанная и на мужчину упорно смотрит.

– Дяденька, дяденька! – закричал Егорка. – Как хорошо, что вы здесь, а то я совсем заблудился!

– Молодой человек, – вдруг говорит лошадка, которая на мужчину смотрела, – зачем вы так кричите? Разве вы не знаете: это великий русский путешественник Николай Михайлович Пржевальский, а находитесь вы в Джангарии – киргизы тут живут, это Центральная Азия, недалеко от озера Зайсан. А я лошадь Пржевальского. Меня Николай Михайлович только что открыл и теперь описывает.

Тут лошадь Пржевальского ещё раз с удивлением посмотрела на Егорку и сказала, обращаясь уже не к нему, а к самому путешественнику:

– Продолжим, Николай Михайлович? Итак, пишите: у меня хорошо развит костяк

и мускулатура, компактное телосложение, плотная кожа... Успеваете, Николай Михайлович?

– Да-да, успеваю.

– Далее: малая оброслость гривы, хвоста и щёток. Голова большая, уши маленькие, заострённые, масть саврасая (песочно-жёлтая), высота в холке от ста двадцати четырёх до ста пятидесяти трёх сантиметров, глаза тёмно-карие, очень красивые, – и лошадь искоса глянула на собеседника.

– Большое спасибо! – поблагодарил лошадку Пржевальский. – Думаю, что это будут очень ценные сведения для русской науки.

И тут, как и случается в волшебных снах, с Колбаскиным произошло настоящее чудо. Лошадь Пржевальского, которая только что так деликатно разговаривала с Егоркой, подбежала к нему и так лягнула под... Ну, под что ни на есть это самое место, что Колбаскин со скоростью лошадиного ржания полетел в небо. Летел он, летел и приземлился прямо у порога родной школы. «Но ведь каникулы!» – возмущённо подумал Колбаскин и увидел рядом с собой пожилого бородатого мужчину, который заливался горькими слезами.

– Я, я, – захлёбывался в рыданиях мужчина, – побывал на островах Новой Гвинеи, жил в Австралии. Ещё я, я, я... побывал в Индонезии и на Филиппинских островах, в Меланезии и Микронезии, научил аборигенов выращивать кукурузу и ты-ы-к-ву-у-у!.. Зачем, зачем я всё это делал? Зачем я покидал родную землю и бродил на кораблях по океанам!..

– Да кто вы такой? Почему вы так плачете? – спросил человека Егор Колбаскин.

– А вы кто, мо-ых-молодой человек? – всхлипывая, спросил мужчина.

– Я Егор Колбаскин из пятого класса. А скоро буду учиться в шестом.

– О-о-о!.. Так значит вы тоже из класса этих дикарей?

– Ха-ха! Почему дикарей? – спросил Колбаскин.

– Потому, что я великий русский путешественник Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Я жил с людьми из других земных цивилизаций. Да, они ходили в татуировках, но так было положено по их законам, а здесь, в этом времени, куда я попал совсем нечаянно, в татуировках ходят не только мальчики, но даже девочки, и, представляете, это пятиклассники и пятиклассницы. Ужас!

Вдруг раздался страшный шум – и на улице показалась толпа девочек и мальчиков в набедренных повязках из каких-то листьев, все они были покрыты татуировками, размахивали копьями и топориками и без устали колотили в свои барабаны.

– У-лю-лю-лю-лю-лю!.. А-а-а-а-а! – кричала и свистела толпа, в которой Колбаскин тут же стал узнавать своих одноклассников. Руководила всеми Галка Кочкина.

– А-а-а-а!.. Коб роб ну бэмбэрри! – закричала она так, что у Колбаскина пробежал мороз по коже, а Миклухо-Маклай сжался, как стальная пружинка, готовый в любой момент распрямиться и исчезнуть навсегда где-нибудь в космическом пространстве.

– Вот вы где! – бесстрастно перевёл её слова Витька Коршунов – он всегда лучше всех справлялся с иностранными языками.

– Колбаскин, – обратилась Галка к Егору, – лэбнукобэдбэлла?

– Колбаскин, вы почему до сих пор в одежде? – перевёл Коршунов.

– Так, э-э, мы не знали... – попробовал было отпираться Колбаскин, но Кочкина пронзительно завизжала, потом сделала суровое лицо и показала копьём на Колбаскина:

– Кыг пых-пых!

– На костёр его! Так желает наша вождиха Железные Глаза, – вдруг заорал и Коршунов, показывая на очки Кочкиной.

Ударили барабаны, и весь дикарский пятый класс двинулся на Колбаскина и Миклухо-Маклая.

– Кыг пых-пых! Кыг пых-пых! Кыг пых-пых! – визжала толпа.

Все: и Васька Пряников, и Сергей Переплюев, и Мишка Остюков, и Лена Мишкина, и Надя Корюшкина, и все-все поднимали в небо свои копья и топоры и кричали:

– Кыг пых-пых! Кыг пых-пых!

Но больше всех старалась вождиха Галка Кочкина.

– На костёр! – орала она что есть мочи уже без переводчика. – На костёр!

И вдруг у Егора Колбаскина неизвестно откуда появился аленький цветочек. Он протянул его Галке. Галка улыбнулась, лицо её залилось румянцем... И тут Колбаскин проснулся.

– На костёр, иди посмотри на костёр! – кричала ему прямо в ухо младшая сестра Зося. – Да понюхай, как вкусно пахнет уха. Папа поймал вот такого леща, мама наловила плотвы, и даже я поймала двух окуньков. Вставай, несчастный!

Колбаскин встал и начал потягиваться. От костра потянуло дымком, и чудный запах маминой ухи оживил всё пространство над Жемчужинкой.

